

М. В. БЕЛОВ

«СЛАВЯНСКИЙ ХАРАКТЕР»:

РУССКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ПОИСКАХ «НАРОДНОСТИ»

Разработка понятия «славянский характер» на русской почве рассматривается в контексте дискуссии о «народности» первой половины XIX в. и позиционирования интеллектуальной элиты в инославянском окружении. В настоящей статье сделан акцент на натуралистических моделях «национальной антропологии» исследуемого периода, а также на визуальных эффектах, которыми она пользовалась. Обращение к героическим образцам «славянского характера», распространенного на Балканах, явилось аргументом в пользу активного полюса «русской души».

Ключевые слова: национальный характер, славянское возрождение, «народность», литература путешествий.

Исследования понятия «народность», интенсифицировавшиеся в последнее время¹, выявили существенные расхождения во взглядах. Когда одни авторы склонны рассматривать его как семантического уродца, возникшего в результате ошибки перевода (К. А. Богданов), другие видят в нем парадигму всей русской культуры «золотого» века и далее (Т. В. Кузнецова). Более частным, но все-таки важным следует считать разногласие исследователей в отношении так называемой «теории официальной народности». Если некоторые из них, развивая либеральную традицию, трактуют известную «триаду» как выражение государственной идеологии периода «национализации» династии², то иные называют официальность «триады» историографическим мифом, поскольку превратно истолкованные А. Н. Пыпиным уваровские инициативы в действительности не получили системной поддержки сверху³. При этом часто подобные различия подходов и оценок смикшированы во избежание открытой полемики.

На неопределенности понятия «народность» сходятся большинство исследователей. Они отмечают, как правило, необходимость различения регистра (литературно-эстетического, философско-публицистического,

¹ Кузнецова. 1999; Лазари де. 2004; Бадалян. 2006; Богданов. 2006. С. 105-145; Миллер. 2009; Лескинен. 2010. Гл. 1–2; Ebbinghaus. 2006.

² Вортман. 1999; Он же. 2001; Миллер. 2007.

³ Казаков. 1989; Шевченко. 2002.

историко-этнографического), в котором функционировал дискурс. В каждом из них акценты расставлялись по-разному. Вместе с тем, нельзя не признать, что, работая в определенном регистре, многие авторы XIX в. претендовали на универсальность своего понимания «народности», а жанровые границы текстов часто смещались. Во всяком случае, невозможно говорить, учитывая уровень спецификации знания в первой половине столетия, о полной автономии какой-то из его областей.

Семантический разлад, вызванный совмещением в понятии «народность» двух основных, но не единственных смыслов – простонародность (социальный аспект) и самобытность (этнический аспект) – очевидно, был запрограммирован специфичным двоemiрием русской культуры и цензурными запретами на открытое обсуждение общественно значимых вопросов. Силовое напряжение этих смысловых полюсов обусловило частичную абсорбцию в «народности» более ранних и сопутствующих концептов: народный (национальный) характер, дух и т.д.

Проникновение иноязычных концептов в культурный обиход русского общества в настоящее время рассматривается с точки зрения переноса (трансфера) западных идей и практик. При этом справедливо подчеркивается, что речь идет об истории «переосмысления заимствуемых ценностей», предполагающего как потери, так и обретение новых смыслов⁴. В этой связи трудно переоценить роль контекста, принимаемого во внимание исследователем. Расширение горизонта за пределы основной линии заимствований (Европа–Россия) возможно, если учесть, например, позиционирование русской элиты в инославянском окружении. Как неоднократно отмечалось, представления о «братстве» славянских народов первоначально выдвигались идеологами национальных движений, развивавшихся в условиях отсутствия «своей» государственной организации, и лишь затем они распространились в России⁵. Кроме того, в настоящей статье сделан акцент на натуралистических моделях «национальной антропологии» исследуемого периода, а также на визуальных эффектах, которыми она пользовалась⁶.

⁴ Богданов. 2006. С. 8-9; Ширле. 2008; Миллер. 2010.

⁵ Лещиловская. 1976; Фрейдзон. 1979. Например, идея «братства» русских и сербов лежит в основе «Записки» карловацкого митрополита С. Стратимировича, направленной в 1804 г. на имя императора Александра I. Еще ранее сербский историк Й. Раич сформулировал тезис о славянах как «природных» христианах, какими они были задолго до отказа от язычества. Это предвосхитило поздние построения русских славянофилов о предрасположенности славянских народов к истинному христианству, т.е. православию. См.: Белов. 2007. С. 120-121, 156-165.

⁶ Вишленкова. 2005; Она же. 2008.

Как известно, представление об особом «славянском характере» было пущено в оборот И. Г. Гердером. Его суждения на этот счет стали складываться еще во время пребывания в Риге в 1760-е гг. и получили некоторое отражение в «Журнале моего путешествия в 1769 г.», когда Гердер, оставивший должность помощника ректора в местной церковной школе, отправился в Париж⁷. Находясь в Риге, он написал хвалебную оду в честь Екатерины II, вследствие чего получил (отклоненное им) приглашение на должность школьного инспектора в Петербург, и стал «горячим русским патриотом»⁸. По словам Л. Вульфа, в дальнейшем Гердер продолжал следить за успехами Екатерины в законодательной сфере и за политической жизнью в России, хотя его интерес все больше смещался к славянской фольклористике и этнографии. В этой связи показательно некоторое сходство в рассуждениях Екатерины II о «свойствах» россиян и в определении Гердером «славянского характера», получившем законченное выражение в четвертом томе его «Идей к философии истории человечества» (1791).

Отвечая на вопрос Д. И. Фонвизина «В чем состоит наш национальный характер?», заданный на страницах «Собеседника любителей российского слова» в 1783 г., императрица заявила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных»⁹. Эта апологетическая тенденция проложила путь уже в анонимном «Антидоте» (1770), направленном против измышлений иностранцев (сочинения аббата Шаппа) о России¹⁰. Впрочем, в имперской идеологии екатерининских времен отсутствовало выделение славянского элемента (и *его* характера) в качестве ведущего. Так, возможный соавтор императрицы по «Антидоту» Н. И. Болтин утверждал, «хотя мы должны назвать своими праотцами и славян, смешавшихся с русскими (т.е. с варягами. – М. Б.), но все заимствованное от них “климат и время превратили в русское и едва ли осталась в жилах наших одна капля крови славянской”...», то же произошло со многими племенами, растворившимися в сложносоставном русском народе¹¹.

Взгляд на «славянский характер» у Гердера складывался, по наблюдению критика этой концепции, как антитеза прусскому милитариз-

⁷ Вульф. 2003. С. 447-461.

⁸ Гайм. 1888. С. 123.

⁹ Несколько вопросов, могущих возбудить в умах и честных людях особое внимание // Фонвизин. 1959. С. 275. Об истории этого текста см.: Проскурина. 2010.

¹⁰ Гаврилова. 1984.

¹¹ Ключевский. 1989. С. 256-258. См. также: Шанский. 1983.

му, который отвергался проповедником гуманности¹². В специальном параграфе IV тома «Идей...» Гердер характеризовал славян древности как мирных землепашцев, пастухов, ремесленников и торговцев, ведущих «...веселую, музыкальную жизнь. Они милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны (явная параллель с екатерининской трактовкой нрава россиян. — М. Б.), враги разбоя и грабежей. Все это не помогло им защититься от порабощения, а напротив, способствовало их порабощению. <...> Не удивительно ли, если бы после стольких столетий порабощения эта нация, до крайности ожесточенная против своих христианских господ и грабителей, не переменила свой мягкий характер на коварную и жестокую леность раба? И однако, повсюду, и особенно в тех странах, где славяне пользуются известной свободой, можно распознать былые черты их характера»¹³. В последнем пассаже автор очевидным образом вступал в полемику со стереотипными воззрениями своих предшественников и современников. Кроме того, национальный характер оказывался в его описании исторической константой в противоположность просветительской идее обработки нравов по мере приближения к правлению разума. Далее Гердер предсказывал триумф славянских народов в связи с утверждением в Европе принципов гуманности и прямо призывал их пробудиться ото сна, чтобы сбросить с себя цепи рабства¹⁴.

Как продемонстрировано в новаторском для своего времени исследовании И. М. Собестианского, призыв этот был вскоре услышан. Он прозвучал одновременно с начавшимся и набирающим силу национальным движением (позитивист Собестианский напрасно акцентировал внимание на случайности рассуждений Гердера в угоду «идолу истоков»). Уже в 1809 г. Л. Суворецкий произнес в Варшавском обществе

¹² *Собестианский*. 1892. С. 10-17. См. об этой книге и ее авторе: *Лантева*. 2005. С. 806-821.

¹³ *Гердер*. 1977. С. 470-472. Собестианский подчеркивал нетипичность подобной характеристики для догердеровского славяноведения. *Собестианский*. 1892. С. 8-9. Список приводимых им примеров можно дополнить сочинением Й. Раича, в котором автор указывал как раз на воинские доблести древних славян и сетовал на отсутствие у них (и у современных ему сербов) просветительских добродетелей: *Белов*. 2007. С. 108-135. В издании известного «Описания...» И. Г. Георги 1799 г., отредактированном М. Антоновским, русские характеризуются как веселый, гостеприимный и страстный народ с «воинской врожденной склонностью». Их портрет дополнен верноподданническими и имперскими качествами: *Ширле*. 2008. С. 129-132.

¹⁴ Л. Вульф указывает на грамматический сдвиг в тексте Гердера, который, как правило, игнорируется переводчиками. См.: *Вульф*. 2003. С. 458. Так в издании 1977 г. побудительное наклонение передано формой будущего времени.

любителей наук доклад, в котором проводилась идея о наследовании национального характера, а добродетелями древних славян компромиссно по отношению к Гердеру признавались мужественность и гуманность в чудесном соединении друг с другом. Эта позиция получила развитие в его «Исследовании начала народов славянских» (1824)¹⁵. В то же время данная концепция шлифовалась и дополнялась в чешском и словацком Возрождении. В главу пятую «Истории славянских литератур» (1826) П. И. Шафарик поместил пространное описание славянского характера, где, как доказал тот же Собестианский, чешский будитель использовал две проповеди Я. Коллара 1822 г. с ранней версией его идеи «славянской взаимности»¹⁶.

Шафарик выделил пять черт, «составляющих основу славянского характера: религиозность, трудолюбие, невинная и беззаботная веселость, привязанность к родному языку и миролюбие». Вслед за Гердером будитель перешагнул через века, отделяющие древних славян от современных, и представил характерологический конструкт «национального возрождения» как вневременную данность. Любопытно преобладание мотива молодости, здоровья, жизненной силы, одним словом, витализма, источником которого могла быть та же идеология «бури и натиска» и наследующей ей романтики, в объяснительной части построений Шафарика. При этом портрет славянина рисовался как антитеза «сумрачному германскому гению»¹⁷. «Славянин от природы более склонен к общительности, к жизнерадостности, нежели к мрачному глубокомыслию. Свежая и здоровая кровь, бьющая ключом в жилах, порождает ту подвижность и возбужденность мускулов и нервов, ту ловкость и гибкость членов, ту веселость и теплоту взгляда, ту сердечность и ласковость лица, ту развязность языка, ту нежность и страстность сердца, которые так отличают славян от других народов. Все это является... делом чистой природы»¹⁸.

¹⁵ Рус. пер.: *Суровецкий*. 1846.

¹⁶ *Собестианский*. 1892. С. 18-31, 40-59. За год до выхода книги Шафарик опубликовал основанную на ее рукописи статью «Характер славянского народа вообще» в дебютном номере сербского журнала «Летопись». Наполовину она состоит из полемики с писателями-иностранцами, хулителями славян. Статья содержит цитату из Гердера и прямую ссылку на Коллара: *Сербский летопис. 1825. Ч. 1. С. 64-99; Милосавиц*. 1986. С. 93-94, 179-188; *Белов*. 2007. С. 457-458.

¹⁷ Противопоставление двух «стихий» получило методичное развитие у Мацейовского в «Истории славянских законодательств» (1832). См. главу из этого труда: *Мацейовский*. 1858.

¹⁸ Цит. по: *Собестианский*. 1892. С. 41-42.

Натуралистическая точка отсчета Шафарика имела традицию, восходящую к учению Монтескье о климате и ориентации первых европейских этнографов на естествознание, когда в «описаниях народов» они сознательно или по наитию следовали за моделями описания природной среды, причудливо сочетавшихся с европоцентристскими предрассудками¹⁹. Вульгарный натурализм в суждениях иностранцев о «варварских нравах» порой становился объектом едкой критики.

Примером может служить ироничная реакция Екатерины II на предположение аббата Шаппа в его описании деспотичной России о грубости местного «нервного сока»: «Недостаток гениальности у русских, по-видимому, есть следствие почвы и климата»²⁰. С другой стороны, Д. И. Фонвизин, критикуя дворянскую галломанию, использовал как раз «телесный» (естественный) аргумент. Его Иванушка в «Бригадире» изобличает нелепость своего поведения утверждением: «Тело мое родилось в России, это правда, однако дух мой принадлежал короне французской». Путешествуя по Германии, Фонвизин, убедился в «природном» превосходстве отчизны: «Здесь во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных съестных припасах, словом: у нас все лучше и мы больше люди, чем немцы»²¹. Русский путешественник платил иностранным злопахателям, побывавшим в России, той же монетой – поверхностностью взгляда с точки зрения заведомого превосходства. Но этот визуальный эффект в данном случае обращался к сопоставлению масштабов и, следовательно, к естественной мощи.

К концу XVIII в. замешанные на сенсуализме физиологические толкования «характеров» (с основой в виде «жидкостного» учения еще античной эпохи о темпераментах) стали частью обыденных представлений культурной элиты в Европе и в России. А некоторые авторы легко редуцировали культурные привычки, как правило, примитивных или неразвитых народов к «телесным качествам» и «внутренним сокам»²².

¹⁹ Слезкин. 2005. Лескинен. 2010. С. 37-45. В свою очередь учение Монтескье о зависимости нравов (характера) народов от климата восходит к античной традиции, обновленной в духе эмпиризма и сенсуализма XVII–XVIII вв. См.: Монтескье. 1955; Плеханов. 1925. С. 158. Наивная этнография европейских описаний и путешествий, начиная с Возрождения, пользовалась этим наследием. См.: Мильников. 1999.

²⁰ Антидот. С. 443-449. Впрочем, сама Екатерина в знаменитом «Наказе» (1767) отдала должное построениям Монтескье, объяснив успех петровской реформы, приведением законов страны в климатическую норму.

²¹ Письма из третьего заграничного путешествия (1784–1785). К родным. Ниренберг, 29 августа (9 сентября) 1784 г. // Фонвизин. 1959. С. 508.

²² Богданов. 2005. С. 79-86, 119-140; Слезкин. 2005. С. 140-141; Rogger. 1960; Maurer. 1993; Kra. 2002; Romani. 2002. P. 19-62. Климатически-ландшафтный де-

Навязчивая метафора молодости славянских народов явилась частным приложением теории «народных возрастов», пришедшей в эпоху позднего Просвещения и преромантизма на смену античной и христианской идее «возрастов мира». Она являлась шагом к признанию культурного многообразия исторического пространства и сыграла важную роль в вегетативной версии раннего историзма (у Гердера)²³. В трактовке последнего мировая история представлялась своеобразной эстафетой народов и культур, сменяющих друг друга по мере выработки жизненного ресурса (старения).

Эта тенденция усилилась в поколенческом конфликте романтиков, а также благодаря руссоистскому компоненту в их мировоззрении, который проблематизировал ценность культуры/цивилизации. Ее оборотной стороной оказывалась дряблость и дряхлость. Напротив, молодость отождествлялась с близостью к природе, а значит – к истине. Их тождество доказывала шеллингианская натурфилософия. В свою очередь гегелевское противопоставление исторических и неисторических народов в этой системе координат превращалось в оппозицию старых и молодых наций. Более того, молодость наделялась «всеми ценностными смысла-

терминизм в соединении с гидравлическим толкованием темперамента оставался актуальным и в XIX в. У Н. И. Надеждина: «Тропическое солнце, опалив кожу араба, вместе с тем раскалило кровь в его жилах, воспламенило огненную фантазию, вскипятило восторженные страсти. Напротив, полярный холод, выморозив до белизны льна волосы лапландца, застудил в нем и кровь, оледенил ум и сердце. Горцы, гнездящиеся на утесах, всегда гордее и неукротимее мирных жителей долин. Народ морской предприимчивее и отважнее народа средиземного. Чем роскошнее природа, тем племя ленивее, сладострастнее, чувствительнее; напротив, там, где должно отстаивать, оспаривать, завоевывать средства существования, он бодр, трудолюбив, изобретателен» (*Надеждин*. 2000. С. 781-784). За ним следовал В. Г. Белинский: «Если принять гипотезу, что народы образовались из семейств, то первую причину их субстанции должно положить кровь и породу (гасе)». Далее он дает стандартные характеристики по качествам «ума» (темперамента) южным и северным народам, указывает на различия между горными и долинными, приморскими, островными и удаленными от моря народами («Россия до Петра Великого» (1841) // *Белинский*. 1953–1959. Т. V. С. 124-125). О порче крови и «остроте в соках»: Там же. С. 126-127.

²³ *Мейнке*. 2004. С. 274-338. Ср.: *Берлин*. 2002. См. также: *Савельева, Полтаева*. 1997. Гл. 2–4; 2003–2006. Гл. 11, 12, 15, 16. Почти одновременно с Гердером теорию «возраста нации» развивал Э. Берк в «Речи об американском налогообложении» (1774). См.: *Белов, Витальева*. 2011. С. 83-87. Очевидно, эта теория находилась на грани интуитивно-обыденного уподобления и этнодифференцирующих, организационных тенденций в преромантизме. В России она получила систематическое развитие у Н. И. Надеждина («патриархальное детство», «героическая юность», «возраст мужества» или «эпоха цивилизации»): *Надеждин*. 2000. С. 784-789.

ми эпохи», обращенной в будущее²⁴. Новая, послепетровская Россия также оказывалась в ряду молодых наций, и уже Фонвизин в письме Я. И. Булгакову из Монпелье 25 января (5 февраля) 1778 г. высказал перспективное с точки зрения позднейших дискуссий о «народности» замечание: «Если здесь прежде нас жить начали, то по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избежать тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились. Nous commençons et ils finissent (Мы начинаем жить, а они кончают). Я думаю, что тот, кто родится, посчастливее того, кто умирает»²⁵.

С этим предположением в чем-то могли бы согласиться первые славянофилы или граф С. С. Уваров, но еще более перспектива начать жизнь с чистого листа привлекала западников, например, Белинского. Критик разделял постулаты эпохи о «концерте наций», в котором каждая исполняет свою партию, и о неизменном национальном характере («физической и нравственной физиономии»), определяемом «почвой и климатом»²⁶. Видимое противоречие этих вводных разрешалось через различение *народа* как объекта (низшие сословия, укорененные в традиции) и *нации* как субъекта (образованное сословие). Она возникает только сейчас, вместе с национальной литературой, не утратившей естественной и спиритуальной связи с народом, из которого *вышла* нация²⁷.

Спиритуальный компонент в толковании «народности», противопоставляемый внешне-колористическому описанию, достался Белинскому в наследство от «любомудров» и круга Станкевича, Надеждина и Гоголя. Зрелый Белинский, как и Надеждин, усиливал рационалистическую трактовку «народного духа»: «...*тайна национальности* (курсив

²⁴ Софронова. 2008. С. 53; Лескинен. 2011. Организационно это настроение выразилось в образовании радикальных обществ 1830-х гг.: «Молодая Италия», «Молодая Польша», «Молодая Германия», «Молодая Франция» и др.

²⁵ Письма из второго заграничного путешествия (1777–1778) // Фонвизин. 1959. С. 493.

²⁶ *Восприимчивость* русских как ключевая черта характера, в понимании Белинского, близкого в этом суждении к екатерининскому ответу Фонвизину, отличает и выделяет их из остальных славянских племен: Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // *Белинский*. 1952–1959. Т. VII. С. 435–438. Ср.: «Какие хорошие свойства русского человека, отличающие его не только от иноплеменников, но и от других славянских племен, даже находящихся с ним под одним скипетром? – Бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость – на обухе рожь молотит, зерна не обронит, нуждою учится калачи есть, – молодчество, разгул, удалство, – и в горе и в радости море по колено!» (Там же. Т. V. С. 126). Экспрессия русской души передана в формулировке Белинского на уровне синтаксиса.

²⁷ Там же. С. 121–122; <Статьи о народной поэзии> (1841) // Там же. С. 305–320.

Белинского. – М. Б.) каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи»²⁸.

Впрочем, программные статьи второй половины 1840-х гг., как и предшествующие, наполнены физиологическими метафорами, призванными продемонстрировать связность души (нравственности) и тела (физических процессов). При этом критик отказывался окончательно объяснить «таинственную игру... физиономии», имея в виду под ней национальный характер. «Это такая же тайна, как и жизнь: все ее видят, все ощущают себя в ее сфере, и никто не скажет вам, что она такое. Так точно ученые, хорошо зная действие и силы деятелей природы, каковы электричество, гальванизм, магнетизм..., все-таки не умеют сказать, что они такое»²⁹. Следовательно, подкладка из шеллингианской натурфилософии в мышлении Белинского, сближавшая его с оппонентами из славянофильского лагеря, сохраняла значение и после прививки гегельянства. Способом постижения оказывалось поэтическое проникновение в действительность, и, парируя обвинения «натуральной школы» в дагеротипии, критик противопоставлял последней истинную живопись, способную раскрыть внутренний мир объекта изображения³⁰. В этом случае «народность» попадала под власть визуальных эффектов и творческой фантазии, а также привязывалась, в соответствии с установками раннего реализма, к общественной актуальности.

В дискуссии между М. П. Погодиным и П. В. Киреевским на страницах «Московитянина», тема национального (русского/славянского) характера, быть может, благодаря второму автору-оппоненту, вышла на первое место. В статье «Параллель русской истории с историей запад-

²⁸ Там же. Т. VII. С. 443. Ср. с его ранней догегелевской статьей: «В чем же состоит эта самобытность каждого народа? В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в *обычаях* (курсив Белинского. – М. Б.). <...> Все эти обычаи укрепляются давностью, освещаются временем и переходят из рода в род, от поколения к поколению, как наследие потомков от предков. Они составляют физиономию народа и без них народ есть образ без лица, мечта, небывалая и несбыточная» (Литературные мечтания (1834) // Там же. Т. I. С. 35; *Манин*. 1969. С. 24-30). *Надеждин*. 1972. С. 440-443; *Гоголь*. 1959. Гоголю принадлежит хрестоматийная формула из статьи о Пушкине: «... истинная национальность состоит не в описании сарафана, а в самом духе народном». Сам Пушкин так определял «народность» в заметке 1825 г.: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (*Пушкин*. 1949). Легко заметить, что это понимание близко Белинскому эпохи «мечтаний».

²⁹ Взгляд на русскую литературу 1846 года // *Белинский*. 1952–1959. Т. X. С. 26-28.

³⁰ Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая // Там же. С. 302-306.

ных европейских государств относительно начала», опубликованной в первом номере за 1845 г.³¹, Погодин изложил свою известную, сложившуюся в общих чертах еще на рубеже 1820–30-х гг. концепцию о противоположности русских государственных «начал» западноевропейским. Отталкиваясь от романтического учения О. Тьерри и Ф. Гизо о борьбе рас и сословий как специфике европейского пути развития после разрушения Западной Римской империи в результате германского завоевания, русский историк указал на легендарное «призвание князей» новгородцами как на альтернативный вариант исторического взаимодействия общества (народа) и государства в Руси/России³². При этом, подразумевая, вероятно, некоторые построения Шеллинга, Погодин формулировал основной тезис собственной историософской телеологии: «Ничтожная разница в первом толчке, изменяя направление, решает их (западных европейцев и русских. – М. Б.) судьбу и переносит на противоположные точки. <...> В основание государства у нас была положена любовь, а на Западе ненависть»³³. Система замкнутых речных коммуникаций не позволяла восточным славянам тесно общаться с иноземцами, перенимая их опыт, поэтому «...мы оставались одни и шли своею дорогою, или лучше [сказать], сидели дома в мире и покое и подчинялись спокойно первому пришедшему»³⁴. Последнее утверждение Погодина, кстати, и вызовет горячее несогласие Киреевского.

Именно географическая изоляция восточных славян предопределила сохранение их изначальных свойств. Параграф VIII статьи Погодина целиком посвящен «характеру словенскому»³⁵. Как и другие авторы, историк опирается на климатическое учение Монтескье: «Нет нужды

³¹ В начале 1845 г. Погодин, оставаясь номинальным редактором «Московитянина», передал фактическое руководство журналом И. В. Киреевскому. Он редактировал первые три номера за этот год. См.: *Дементьев*. 1951. С. 341–344.

³² *Цамутали*. 1977. С. 23–34; *Алпатов*. 1985. С. 159–160, 190, 246–247; *Досталь*. 1990. С. 4–17, 57–85 (специально о дискуссии Погодина и Киреевского: с. 68–71); *Дурновцев, Бачинин*. 1996. С. 209–212; *Павленко*. 2003. С. 99–107. Подобные тенденции в истолковании «призвания князей» прослеживаются уже в историко-идеологическом творчестве екатерининской эпохи: *Стенник*. 2004. С. 140–184; *Гордон*. 2004. С. 122–123.

³³ *Московитянин*. 1845. Ч. 1. № 1. С. 4–5, 13.

³⁴ Там же. С. 15–16. Идея особого пути становится общей для разных направлений общественной мысли России, включая западников, как минимум, после публикации первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева в «Телескопе» в 1836 г.

³⁵ Как известно, Погодин поддерживал тесные связи с зарубежными славистами, в том числе с П. И. Шафариком, и был одним из популяризаторов идей «славянского возрождения» на русской почве: *Лантвева*. 2005. С. 88–102.

входить здесь в доказательства, что одни свойства имеет северный человек, другие южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрее, чем у другого, что каждый народ имеет свой характер, свои добродетели и свои пороки. Словени были и есть народ тихий спокойный, терпеливый. Все древние писатели утверждают это о своих словах, то есть западных. Наши имели и имеют эти качества еще в высшей степени. Поэтому они приняли чужих господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью, не раздражали ничем и всегда были довольны своею участью. <...> Такая безусловная покорность, равнодушие, противоположные западной раздражительности содействовали к сохранению доброго согласия между двумя народами (славянами и варягами. – М. Б.)»³⁶. Концепция Гердера–Шафарика в переложении Погодина приобрела, конечно, верноподданнический смысл.

П.В. Киреевский нашел «изображение народного характера [у Погодина] самое мрачное и несправедливое». Такой народ «... не может внушить большой симпатии. Это был бы народ лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства, отверженный Богом; из его среды не могло бы выйти ничего великого»³⁷. Иными словами тезисы Погодина в глазах Киреевского выглядели клеветой на русский народ, обладающий на самом деле «энергией и благородством», которые «не могут быть привиты никакими господами». Оппонент вспоминал эпоху борьбы с монголами, 1612 и 1812 гг., но что так же важно — указывал на параллели из истории «наших славянских братьев» (сербов), когда говорил о «мнимом равнодушии [древних славян] к общественным делам», выдуманном немцами-норманистами³⁸.

³⁶ Московитянин. 1845. Ч. 1. № 1. С. 16. В примечании оговорка о восстании древлян 945 г. Другим общим местом в суждениях Погодина является тезис о «молодости» славянского племени, не искушившего душу в борьбе, с которой связывается взросление западных народов: «Новое гражданское образование привито у нас к дереву свежему, дикому, а там (на Западе. – М. Б.) к старому и гнилому. Их здание выстроено на развалинах, а наше на нови» (Там же. С. 17).

³⁷ Московитянин. 1845. Ч. 2. № 3. С. 13-14.

³⁸ Там же. С. 14-16, 17-18. Киреевский обещал продолжить полемику с Погодиным в следующих номерах журнала, однако продолжения не последовало, тем более, что его брат И.В. Киреевский из-за разногласий с номинальным редактором, вызванных в том числе данной публикацией, вынужден был отказаться от редакции «Московитянина». См. об этом эпизоде: Барсуков. 1894. С. 126-129; Гершензон. 1989. С. 353-356. По мнению Гершензона, проанализировавшего заграничные письма П.В. Киреевского, «главной и драгоценнейшей особенностью русского национального характера он считает *нравственную страстность*, в противоположность ни теплым, ни холодным, или вовсе холодным, каковы, например, по его наблюдению

Стратегия полемики, использованная в ответных замечаниях Погодина, соответствовала приемам, принятым в тогдашних журнальных перепалках под бдительным оком цензуры: чаще всего, игнорируя существо расхождений, спорщики выискивали фактические ошибки или логические противоречия в суждениях противника. Любопытно, однако, что поборник единения славянского мира, заслуживший в истории русской общественной мысли репутацию панслависта, в запале опроверг, по существу, свою же теорию VIII параграфа из «Параллели русской истории...»: «Обратите внимание на характеры: малороссиянина, поляка, чеха, серба, великороссиянина, болгарина. Какое разнообразие! Каков характер, такова и история»³⁹. Романтическое представление о неизменном национальном характере (народном духе), определяющем ход исторического процесса, уцелело, но какова цена: распад славянского мира на отдельные нации, по-видимому, еще на заре его существования.

Концепция «славянского характера» занимала публицистов одиозного «Маяка»⁴⁰ и в частности их главного историка Н. В. Савельева-Ростиславича. Сначала он следовал за линией Гердера—Шафарика, когда писал, что славяне «всегда отличались кротостью, спокойствием характера, любили земледелие, ремесла и торговлю; всегда охотнее брались за оружие для защиты самих себя, своего быта, своей земли, нежели для покорения других стран. <...> Простота, чуждая всякой злости и лжи, откровенность, приветливость и людскость. Этим духом были проникнуты их религия, постановления, обычаи и самый образ жизни»⁴¹. Однако, по наблюдению М. Ю. Досталь, спустя какое-то время Савельев отверг эту теорию в пользу гипотезы Ю. И. Венелина (главным наследником творчества которого он стал) о славянском происхождении большинства, если не всех, варварских народов эпохи «великого переселения». Поэтому «отличительная черта славянского характера есть воинственность, которая и поныне сохранилась в полной мере во всех племенах»⁴². В пользу историзации царизма Савельев теперь склонялся

нию, немцы» (Там же. С. 331–335). Гершензон был убежден, что за этим эмоциональным восприятием не стояло какой-либо связанной концепции.

³⁹ Московитянин. 1845. Ч. 2. № 3. С. 57. Кроме того, Погодин пенял Киреевскому в том, что он потакает Западу, т.е. западникам, когда отнимает у русских две главнейших христианских добродетели (терпение и смирение) в пользу волевых качеств: «Всех добродетелей иметь нельзя: одна принадлежит Востоку, другая Западу» (Там же. С. 55).

⁴⁰ Дементьев. 1951. С. 86–91.

⁴¹ Цит. по: Досталь. 1990. С. 27–28.

⁴² Там же. С. 34–35.

к существованию начал единой державы уже у древних славян. Возможно, и в «воинственной» трактовке их характера можно видеть великодержавный аспект.

Однако большинство публицистов 1840-х гг. тяготели, скорее, к точке зрения Погодина. В частности, брат ввязавшегося с ним в спор П. В. Киреевского и один из главных теоретиков славянофильства И. В. Киреевский воспроизводил в одной из своих последних программных статей главные погодинские постулаты. Он соглашался с тезисами об изолированности русских от остальных европейских народов, о племенной предрасположенности славянских народов к восприятию христианских добродетелей и о счастливой случайности, предотвратившей проникновение на Русь «духа вражды» вследствие насильственного завоевания в начале европейской цивилизации⁴³.

Как ни странно, со многими положениями погодинской концепции «славянского характера» согласился и его постоянный оппонент в вопросах русской истории К. Д. Кавелин. В знаменитой статье, напечатанной в первой книжке обновленного «Современника» (1847) и носившей характер манифеста западников, он, разделяя со своими оппонентами из славянофильского лагеря органицистское восприятие исторического процесса, рассуждал о «спокойных, миролюбивых и кротких» русско-славянских племенах. Причем «никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами и поэтому не могли придать нашей истории свой национальный характер»⁴⁴. Поэтому изначальный «славянский характер», сохранился в первую очередь у русских, в то время как развитие других славянских племен сопровождалось тесными контактами с другими народами и утратой самостоятельности, что повлияло на их общественный и нравственный быт. В ответ на критику Ю. Ф. Самарина, и как бы оправдываясь, Кавелин утверждал, «что славянский мир – новая почва в истории, и, по всем видимостям, не бесплодная – это бесспор-

⁴³ О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к гр. Е.Е. Комаровскому) // *Киреевский*. 1984. С. 199-238. Ранее Киреевский писал о молодости и свежести русской души: Там же. С. 179. Те же идеи концептивно набросаны у А.С. Хомякова в статье «Вместо введения» к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах ей единовременных и единоплеменных» (1845): *Хомяков*. 1994. С. 486-493. А их подробное обоснование стало главной задачей исторических записок Хомякова – «Семирамиды», – особенно в ее второй и третьей части. См. комм. В.А. Кошелева: Там же. С. 540-541. Хомяков особо подчеркивал незначительность инородных влияний не только на русских, но и на весь славянский мир (исключая Польшу).

⁴⁴ Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин*. 1989. С. 15-23.

но»⁴⁵. Белинский, откликаясь на проповедь Погодина о русском (славянском) характере, на страницах того же номера «Современника», где была опубликована программная статья Кавелина, отверг смирение в качестве его главной и отличительной черты и оспорил национальную приватизацию любви, поскольку она – общечеловеческое чувство⁴⁶.

Разногласию во взглядах авторов программных статей «Современника» верно уловил критик противоположной «партии». Самарин, опровергая своих оппонентов, использовал невятность теоретического и логического фундамента их рассуждений, умело атакуя обе позиции (и Кавелина, и Белинского). С одной стороны, он заметил, что «смирение само по себе, как свойство, может быть достоинством, может быть и пороком, признаком силы и слабости, смотря по тому, от чего оно происходит и перед чем народ или человек смиряется...»⁴⁷, сняв таким образом абсолютизацию этого качества. Он также указал на произвольность в различении и противопоставлении общечеловеческих и национальных добродетелей. С другой стороны, Самарин выступил против тезиса Кавелина об отсутствии личностного начала в ранней и вообще допетровской русской истории: «Общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия»⁴⁸. Активная, творческая сила «славянской души», недооцененная в версии ее «смирения и покорности», у Самарина реставрировалась в качестве коллективного достояния, делегировалась верховной (княжеской) власти и воплощалась в церковной общине.

По-видимому, реагируя на вызов нового оппонента в лице критика-преемника «Отечественных записок» В. Н. Майкова о двух диамет-

⁴⁵ Ответ «Московитянину» // Там же. С. 77. В позднем периоде своего творчества Кавелин еще более сближился со славянофильской позицией: «Каждый человек и каждый народ принимает одну и ту же истину по-своему, насколько к тому способен и сообразно с своим характером. <...> Вероисповедание славянских народов должно бы выражать собою особенное, свойственное славянскому племени понимание христианского учения...» (Там же. С. 350-351).

⁴⁶ «Удельный период наш отличался скорее гордынею и драчливостию, нежели смирением» *Белинский*. 1952–1959. Т. X. С. 23-25). Ср. с более ранним откликом: «Битва при Калке, битва Донская, нашествие Литвы, наконец, вторжение в Россию сына судьбы [Наполеона] не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них одними слезами, мы не дрались, а только плакали!!» ([Рец. на:] *Славянский сборник* (1845) // Там же. Т. IX. С. 212).

⁴⁷ *Самарин*. 1996. С. 477-480 (479).

⁴⁸ Там же. С. 443. Ключевой тезис этой части полемики оказался искаженным при наборе самаринской статьи: *Кавелин*. 1989. С. 552. Прим. 5. См. в целом о дискуссии: *Цамутали*. 1977. С. 65-75.

рально противоположных «физиономиях» у каждого народа⁴⁹, Белинский размышлял в одной из последних публикаций об амбивалентности народного характера с усилением «возрастной» аргументации и звериных аналогий. «Народ – вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь»⁵⁰. В таком случае образованное общество выступало по отношению к народу в качестве взрослого наставника. Противоположная диспозиция характерна для славянофилов, объявивших народ хранителем сокровенной тайны⁵¹ (по Белинскому, она сводилась к «инстинкту» и «непосредственности»).

Чрезвычайно интересно использование в качестве синонима национального характера в русской публицистике и литературной критике 1830–40-х гг. понятия «национальной (народной) физиономии». Им оперировали как славянофилы, так и западники, и Белинский, и граф Уваров. Рассуждая о «соглашении» в народности из знаменитой триады старого и нового этапов в развитии России, министр писал в 1833 г.: «Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна»⁵².

Разумеется, эта метафора была производной от свойственного романтическому историзму уподобления коллективных субъектов (народов, сословий, классов) особым личностям с присущими им индивидуальностями. Между тем, иногда данная метафора имела буквальное прочтение и использовалась как исследовательский инструмент⁵³. Вероятно, этому способствовало популярность физиогномики – учения о возможности прочитать по лицу характер человека. Традиция, как ми-

⁴⁹ Механическая подчиненность влиянию климата, местности, племени и судьбы – у большинства народа, и критическое отрицание его черт — у меньшинства: *Майков*. 1985. С. 132.

⁵⁰ [Рец.] Сельское чтение, издаваемое князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблочкиным. Книжка четвертая. СПб., 1848 // *Белинский*. 1952–1959. Т. X. С. 369.

⁵¹ «Мы не понимаем народ, и потому-то мало ему доверяем. Незнание — вот источник наших заблуждений. Мы должны узнать народ, а чтоб узнать, и прежде чем узнать, мы должны любить его. Сближение с народом, может быть, еще более необходимо для образованного класса, чем для самого народа» (*Самарин*. 1996. С. 466). «Низводя крестьянина, это действительное, серьезное лицо в современной России, на степень «милых детей», общество наше с важностью преподает ему уроки...» (*Аксаков*. 1982. С. 239).

⁵² Доклады... С. 71.

⁵³ Ср.: *Лескинен*. 2010. С. 48-50.

нимум, уходит корнями в предыдущее столетие, когда получила распространение теория швейцарского мистика и филантропа И. К. Лафатера о многообразии человеческих лиц. Она сохранила значение и в первой половине следующего века, оказывая влияние на литературную практику⁵⁴. Кроме того, эта теория находила спонтанное подкрепление в обыденном опыте при недоступности более изощренных приемов наблюдения и обобщения их результатов. Дагеротипия, не приемлемая, по всеобщему убеждению, в области художественной литературы, оказывалась востребованной в квазинаучном или служебном путешествии.

«Статистическое описание Сербии», составленное в 1830 г. капитаном генерального штаба А. Г. Розелион-Сашальским⁵⁵, содержит любопытный образец подобного портретирования: «Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильности и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе с тем доброхотства, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отгалкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он был в турецкой одежде»⁵⁶. Двигаясь на ощупь, интуитивная этнопсихология такого рода, тем не менее, с неизменной четкостью воспроизводила, как явствует из отрывка, полярность условного Запада и Востока («своего» и «чужого»), славянского и турецкого стереотипа).

Пятнадцатью годами позднее, путешествуя по Далмации, Хорватии, Воеводине, Сербии, славянофил Ф. В. Чижов составил целую классификацию физиономий. В ее основе находились типажы Российской империи в следующей иерархической последовательности: русские, украинцы (малороссияне), поляки; иногда к ним прибавляются итальянцы, которым Чижов благоволил. Физиономист либо идентифицировал окружающих с тем или иным, весьма условным типажом, либо (реже) констатировал гибридное смешение. Психологические характеристики соответствуют этническим клише в указанном узком диапазоне и колеблются между полюсами: простота (открытость) – хитрость (скрытность). В географическом отношении им соответствуют координаты

⁵⁴ Лотман. 1997. С. 61-99; Богданов. 2005. С. 196.

⁵⁵ Об обстоятельствах назначения миссии, деятельности и результатах работы Розелион-Сашальского и его коллег в Сербии см.: Достян. 1966; Белов. 2010.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 60–60об.

Восток–Запад (исключение – средиземноморский Юг); Восток же теперь ассоциирован не с деспотией и варварством, но с нравственной и религиозной истиной – православием. Так, по Чижевцу, в деятелях хорватского возрождения «... видно что-то непрямоe. Они любят нас, русских, иначе и не встречали бы с радушием, но [это] радушие, подмешанное западом. В физиономиях не видно ничего определенного. Одни – настоящие русские, другие – решительные – малороссияне, третьи – поляки»⁵⁷. Однако в процессе непосредственного общения эта элементарная схема давала сбой: «Сейчас бросилось мне в глаза различие между характером русского и серба – эти больше похожи на наших малороссиян. Вечно сиромахи, вечно бедны, между тем как у нас последняя копейка ребром. <...> Хорваты и в этом больше на нас похожи»⁵⁸. Таким образом, нарушалась географическая или, точнее, конфессиональная детерминанта. Православные сербы оказывались в промежуточном пространстве искаженной нравственности.

Свою классификацию «внутренних физиономий» с опорой на натурализм ранее разработал, пожалуй, первый русский славист-романтик Ю. И. Венелин: «Познание как человека, так и народа не состоит в одном познании наружного *обличья, наряда* и образа жизни; еще больше необходимо и познание внутреннего человека. Внутренняя физиономия грека представляет лицо *саркаста* (едкой насмешки); внутренность римлянина есть физиономия *беспощадного гордеца*; душевный облик араба выражает *энтузиазм, доходящий до волшебства*; лицо тевтонских племен представляет *удивление неразгаданному*. А лицо славянина?... Хм!»⁵⁹. Ответить на этот вопрос Венелин попытался с помощью анализа народной поэзии. В этом отношении, как и по своему национальному характеру, задунайские славяне резко отличаются от остальных славянских племен. К их песням примешана кровь, а доминантой характера оказывается «ожесточение», шокирующие нравственность «цивилизованного» читателя»⁶⁰.

⁵⁷ Дневник... С. 146.

⁵⁸ Там же. С. 165.

⁵⁹ Венелин. 1835. С. 33-35. Здесь и далее в цитатах курсив Венелина.

⁶⁰ «...Ужасно видеть *мертвую голову!*... Но болгарину, сербу, босняку, герцеговинцу и черногорцу все равно; он на нее смотрит с каким-то диким услаждением. <...> О, *мертвая голова* есть лучший стих в народной песне задунайского славянина! *Ожесточение* есть степень, на которую повисился его народный характер» (Там же. С. 48-50). «...У болгар и сербов *резать* и *стреляться* составляет такую же потеху, какую у русской молодежи расшибать себе грудь и нос в кулачки. Должно прибавить, что не столько нужда и необходимость, а просто эта страсть к резне причиною тому...» (Там же. С. 41).

В объяснении героического характера задунайских славян, сравниваемых с гомеровскими греками, спартанцами, запорожцами и кавказскими абреками (они «заразились» героизмом после переселения казаков на Терек и Кубань), Венелин использует классифицирующую метафору «царства зверей» с иерархией от пугливого зайца до кровожадного льва: «Все животные стоят *неподвижно* на своих степенях, и улучшить их нравственную природу невозможно: у них нет души бессмертной! Один только человек *подвижен* среди всего царства *неподвижных дышащих*, он только подвижен по своим степеням от малодушия до жестокости, он может быть даже жесточе тигра и боязливее зайца; вот почему нет животного презрительнее человека, и нет тоже животного, которое заслуживало бы больше сочувствия и сострадания и уважения как человек, а это потому именно, что он подвижен по *лестнице пороков и добродетелей*, т.е. может портиться и исправиться, страдать и исцеляться»⁶¹. Вопреки последней сентенции, то есть игнорируя человеческую исключительность и снимая проблему моральной оценки, Венелин аналогично расставил европейские народы на лестнице «ожесточения», где верхние ступени заняли мадьяр, словак, волох и серб, а в самом низу – «бедный жидок», которого можно «пустым *мушным* мешком прогнать через Карпаты в Галицию». Конечно, позиции народов изменчивы во времени, одни опускаются вниз, другие возвышаются, но балканские славяне волею исторических обстоятельств «удержали свой *ожесточенный, возвышенный* характер»⁶².

В объяснении феномена народной поэзии и, следовательно, «внутренней физиономии» задунайских славян Венелин отдал дань географическому детерминизму в его рельефной версии: «Отличительная черта в поэзии *бодрых* и *горячих* народов есть *резкость*, подобная резкости их природы; она отличается тоже *внезапностью* оборотов, подобною *внезапности* новых картин между гор и ущелий. <...> Вспышка души их (горцев. – М. Б.) настоящий полет трескучей бомбы, метящей в гору, в скалу <...> Чувство болгарина, этого старого русака, и серба, этого неугомонного германца, распяливается между подножием и макушкой гигантских предметов, глаз его парит на высоту подобно орлу, и спускается к подножию подобно соколу, и снует на душу думу высокую, глубокую. Такова природа горца!»⁶³. Вследствие применения ландшафтной экспозиции пространство славянской души разрывалось. Ве-

⁶¹ Там же. С. 48-50.

⁶² Там же. С. 51, 64-65.

⁶³ Там же. С. 66, 67.

нелин опроверг миф о сонном характере восточных народов, наоборот, их черта – бодрость и болтливость. Именно бодрость способствует развитию такой функции человека, сравнимой с пищеварением (вспомним, что автор по образованию медик), как «сказколюбие». Горцам противопоставлен человек севера, которому свойственна только «людность» (общительность). С другой стороны турки и балканские славяне объединяются в искусстве *мужской* беседы, порождающей эпос. «В этом отношении они составляют совсем отдельный мир от Европы»⁶⁴. Романтическая экзальтация увела Венелина далеко от идеи славянского единства, которой она изначально питалась: задунайские племена с их героическим ожесточением превращались в привлекательно-пугающих антиподов по отношению к русским.

Большая умеренность в оценках свойственна О. М. Бодянскому, который воспроизвел в диссертации о народной славянской поэзии все околонучные штампы эпохи, названные выше. Правда, он попытался разбавить натуралистическое толкование различий в фольклорных традициях социологическими или ситуативно-психологическими аргументами⁶⁵. Для Бодянского «из всех славянских племен северные и южные руссы – самые несходственные между собой...». Протяжные песни первых продиктованы меланхоличностью характера, у вторых – песни «лавою» исторгаются «из самого сердца»⁶⁶.

И все же наиболее значимым «другим» (среди инославянского окружения) в русских поисках «народности» к середине XIX в. стали балканские славяне, в первую очередь черногорцы, чей портрет к этому времени уже оброс романтическими клише⁶⁷. Момент идеализации, свойственный романтическому взгляду, ярко проявился в способах визуального оформления опыта путешественника, в стремлении к созданию сюжетных или жанровых картин. В частности, у побывавшего в Черногории в 1840-х гг. славянофила А. Н. Попова читаем: «Беззаботно

⁶⁴ Там же. С. 92-102.

⁶⁵ Например, бедность польского фольклора объясняется тем, что шляхте некогда было сочинять песни, махая мечом, а крестьянам, неся тяжкие повинности. Веселые краковяки – это краткая минута, которой простолюдин спешит воспользоваться в разгуле: *Бодянский*. 1837. С. 80-95. В свою очередь у сербов в результате многочисленных войн «дух их поднялся до высшей степени героизма, исполнинского мужества, твердости и упругости, сердце ожесточилось, характер сделался энергетическим, стойким, словом: все 12 вековое бытие сербов представляется нам беспрерывным рядом богатырских подвигов» (Там же. С. 96).

⁶⁶ Там же. С. 122, 136-137. Ср.: *Венелин*. 1834. С. 49-56; *Азадовский*. 1958. С. 390-399.

⁶⁷ *Калоева*. 2002; *Анишаков*. 2005.

ли черногорец курит свою трубку, сидя на камне, или стоит, опершись на ружье и задумчиво глядя в сторону, каждое его положение просится в картину. Это зависит от прекрасного костюма и южной живости характера, который каждому движению придает смысл»⁶⁸.

В привлекательности балканского примера, и собственно черногорской экзотики, можно усмотреть компенсаторную подоплеку. По свидетельству И. С. Аксакова, «...покойный мой брат [Константин] <...> бывало, угнетался самым обликом р[усского] мужика, именно отсутствием в нем определенной животной породистости»⁶⁹. В таком случае на выручку угнетенному, забитому и ослабленному русскому мужику приходили «породистые» братья-славяне – смелые, сильные, гордые воины-коллективисты.

Наметившаяся в спорах 1830–40-х гг. тенденция к построению национального характера по принципу антимонии в 50–60-е отлилась в формуле Аполлона Григорьева о колебаниях русской души между смирением и буйством. Обращение к героическим образцам «славянского характера», распространенного на Балканах, явилось аргументом в пользу ее активного полюса, а возникший попутно стереотип «братьев-славян» в какой-то мере отражал социальное одиночество и политическое бессилие русской интеллектуальной элиты предреформенного периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский М. К.* История русской фольклористики. [Т. 1]. М.: Учпедгиз, 1958. 480 с.
- Аксаков К. С.* [Рец. на:] Народное чтение. Книжка первая. СПб., 1859. // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1982. С. 238–240.
- Алпатов М. А.* Русская историческая наука и западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 271 с.
- Антидот (Противоядие) // Осмнадцатый век. Кн. IV. М., 1869. С. 225–463.
- Анишаков Ю. П.* Русские журналы как источник изучения исторического прошлого южнославянских народов и русско-югославянских связей (30-е – середина 50-х гг. XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб.: Алетей, 2005. С. 130–149.
- Бадалян Д. А.* Понятие «народности» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и идеи в России XVI–XIX веков. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетей, 2006. С. 108–122.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Т. VIII. 637 с.
- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. Т. I, V, VII, IX, X.

⁶⁸ Попов. 1847. С. 20.

⁶⁹ Цит. по: Цамутали. 1977. С. 67.

- Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: специфика формирования и механизмы развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Белов М. В. Русский офицер в роли этнографа: А. Г. Розелион-Сашальский описывает Сербию // Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. С. 58–68.
- Белов М. В., Витальева А. И. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог Британской империи // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 74–99.
- Берлин И. Гердер и просвещение // Он же. Подлинная цель познания. М.: Канон+, 2002. С. 412–512.
- Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.
- Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.
- Бодянский И. О народной поэзии славянских племен. Рассуждение на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата московского университета. М.: Тип. университета, 1837. 154 с.
- Венелин Ю. Об источниках народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности. М.: Тип. Н. Степанова, 1834. 60 с.
- Венелин Ю. О характере народных песен у славян задунайских. М.: Тип. Н. Степанова, 1835. 118 с.
- Вишленкова Е. Визуальный язык описания «русскости» в XVIII – первой четверти XIX вв. // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 97–146.
- Вишленкова Е. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Сер. WP6. Гуманитарные исследования. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 56 с.
- Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX в. // Россия. Russia. М.–Венеция. 1999. № 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. С. 233–234.
- Вортман Р. Национализм, народность и российское государство // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 // Сайт «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/3/vort-pr.html> (время доступа 10.03.2011).
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Гаврилова Л. М. «Антидот» и теория «официальной народности». (Из истории русской дворянской историографии XVIII века) // Наука и культура России XVIII века. Сб. статей. Л.: ЛВВМИУ, 1984. С. 248–258.
- Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1888.
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / Отв. ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Гершензон М. О. П. В. Киреевский // Он же. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М.: Московский рабочий, 1989. С. 315–364.
- Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Собр. соч. в 6 т. Т. 6. Избранные статьи и письма. М.: Государственное изд-во художественная литература, 1959. С. 33–39.
- Гордон А. В. Российское Просвещение: значение национальных архетипов власти // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 114–128.

- Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг. М.–Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1951. 504 с.
- Дневник путешествия Ф. В. Чижова по славянским землям в 1845 г. (18 мая – 12 августа) / [Публ. И. В. Козьменко] // Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 127–260.
- Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / Публ. М. М. Шевченко // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М.: Элиас Лак, 1995.
- Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 4–116.
- Достян И. С. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение: Сб. статей и материалов. М.: Наука, 1966. С. 104–116.
- Дурновцев В. И., Бачинин А. Н. Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII – начала XX века. М.: Скриптория, 1996. С. 174–193.
- Кавелин К. Д. На умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступ. статья В. К. Кантора. М.: Правда, 1989. 656 с.
- Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст–1989. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 5–41.
- Калоева И. А. Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002. 116 с.
- Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост., вступ. статья и коммент. В. Котельникова. М.: Современник, 1984. 383 с.
- Ключевский В. О. И. Н. Болтин // Соч. в 9-ти т. Т. VII. М.: Мысль, 1989. С. 234–261.
- Кузнецова Т. В. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 152 с.
- Лазари де А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Пер. с польск. М. Лескинен, Н. Филатова. М.: Наука, 2004. С. 47–59.
- Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.
- Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.
- Лескинен М. В. Стереотип «веселого поляка» в описаниях польского национального характера эпохи просвещения и Романтизма // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2.
- Лециловская И. И. Концепции славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 75–92.
- Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Он же. Карамзин. СПб.: Искусство–СПб., 1997. С. 10–310.
- Майков В. Н. Стихотворения Кольцова. Статья вторая и последняя // Литературная критика / Сост. и вступ. ст. Ю. Сорокина. Л.: Худож. литература, 1985. С. 125–176.
- Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: Искусство, 1969. 304 с.
- Мацейковский В. Характерные черты славян и немцев // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 1. С. 237–246.
- Мейнеке Ф. Возникновение историцизма. М.: РОССПЭН, 2004. 480 с.

- Милисавиц Ж.* Историја Матице српске. Д. 1. Време националног буђења и културног препорода. 1826–1864. Нови Сад: Матица српска, 1986.
- Миллер А. И.* Триада графа Уварова. [2007] // Сайт «Полит.ру». URL: <http://polit.ru/lectures/2007/04/11/uvarov.html> (время доступа 10.03.2011).
- Миллер А. И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.
- Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 42–66.
- Монтескье Ш.* О духе законов. Кн. 14 // Избранные произведения / Общая ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. С. 350–361.
- Московитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Ч. 2. № 3.
- Мильников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 400 с.
- Надеждин Н. И.* Европеизм и народность в отношении к русской словесности (1836) // Он же. Литературная критика. Эстетика / Сост. и вступ. статья Ю. В. Манна. М.: Художественная литература, 1972. С. 394–444.
- Надеждин Н. И.* Об исторической истине и достоверности (1837) // Сочинения в 2 т. / Ред. и вступ. статья З. А. Каменского. Т. 2. СПб.: РГХИ, 2000. С. 760–795.
- Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 359 с.
- Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Кн. 3 // Сочинения. Т. XXII. М.–Л.: Государственное изд-во, 1925. 364 с.
- Попов А.* Путешествие в Черногорию. СПб.: Тип. Э. Праца, 1847. 329 с.
- Проскурина В.* Спор о «свободоязычии»: Фонвизин и Екатерина // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105) // Сайт «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/pro11.html> (время доступа 10.03.2011).
- Пушкин А. С.* <О народности в литературе> // Полн. собр. соч. Т. XI. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Статистическое описание Сербии. 123 л.
- Савельева И. М., Поletaев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Савельева И. М., Поletaев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. СПб. Наука, 2003–2006. Т. 1. 632 с. Т. 2. 751 с.
- Самарин Ю. Ф.* О мнениях «Современника» исторических и литературных (1847) // Сочинения / Сост., вступ. статья и комметн. Н. И. Цимбаева. М.: РОССПЭН, 1996. С. 411–482.
- Сербский летопис. 1825. Ч. 1.
- Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 120–154.
- Собестянский И. М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта у древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков: Тип. Гуава, 1892. 336 с.

- Софронова Л. А. Принципы отчуждения романтического героя // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 46–60.
- Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с.
- Суровецкий Л. Исследование начала народов славянских. Рассуждение, читанное в торжественном заседании варшавского общества любителей наук, 24 января 1824 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846. Кн. 1. От. III. Материалы иностранные. С. 1–82.
- Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2 т. / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. Т. 2. М.–Л.: Гослитиздат, 1959. 742 с.
- Фрейдзон В. И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX века // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 61–78.
- Хомяков А. С. Соч. в 2-х т. Т. 1. Работы по историософии / Вступ. статья, сост. и подгот. текста В. А. Кошелева. М.: МФФ; Медиум, 1994. 590 с.
- Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. 256 с.
- Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М.: Изд-во МГУ, 1983. 150 с.
- Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.
- Ширле И. Учение о духе и нравах народов в русской культуре XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А. В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 119–137.
- Ebbinghaus A. “National” (narodnyj) und “nationale Eigenheit” (narodnost’) in der russischen Literaturkritik der 1820er Jahre // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. von P. Thirgen. Köln: Böhlau, 2006. S. 51–79.
- Kra P. The concept of national character in 18th century France. [2002] // Сайт “Cromohs. URL: http://www.cromohs.unifi.it/7_2002/kra.html (время доступа 10.03.2011)..
- Maurer M. “Nationalcharakter” in der frühen Neuzeit: ein mentalitätsgeschichtlicher Versuch // Transformationen der Wir-Gefühls. Studien zum nationalen Habitus / Hrsg. von R. Blomert, Y. Kuzmics und A. Treibel. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1993. S. 45–81.
- Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. 319 p.
- Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge: University Press, 2002. 358 p.
- Белов Михаил Валерьевич**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, belov_mihail@mail.ru